

ЛО
ЛА
МА
Г
Н
У
М

Барс

Грешный мент

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЕНТЫ БЫВШИМИ НЕ БЫВАЮТ

18+

Лола Магнум

Грешный мент. Барс

«Автор»

2026

Магнум Л.

Грешный мент. Барс / Л. Магнум — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад он уложил моего отца лицом в мрамор, а я плюнула ему в лицо. Мне было четырнадцать, и он сказал: «Утрись, принцесса». Теперь отец вернулся, а я вляпалась так, что меня не вытащат ни деньги, ни фамилия. И отец привёз меня к нему. К бывшему менту, которого выперли со службы за длинный язык, который живёт в гараже, берётся за любую грязь и пьёт так, что дохнут бродячие собаки. Нормы этикета, и даже элементарная вежливость и такт ему незнакомы. И он говорит, что он мне не телохранитель — он проблема, которая мешает меня убить. И я его ненавижу.

© Магнум Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лола Магнум

Грешный мент. Барс

Пролог

Двенадцать лет назад

Мрамор в холле был тёплый. Полы с подогревом, я это почувствовал через подошвы ещё в дверях, и почему-то именно на этом залип. Не на ёлке в два этажа. Не на лестнице, по которой можно было выкатить рояль. На тёплом полу. Блядь.

У меня в квартире тогда батарею перекрывали в апреле, и до октября я спал в свитере и в носках. И близок был к шапке гандоновке на уши.

— Чисто.

— Чисто.

— Второй этаж?

— Погоди, — сказал я.

Шесть утра, двадцать третье декабря. За окнами ещё темно, в холле горит только синяя гирлянда, моргает по кругу, медленно и красиво. Красиво, было бы, если бы не восемь мужиков в чёрном, которые стоят в этом синем и дышат паром, потому что дверь мы за собой прикрыть забыли.

Я потёр ладони, согревая их. Руки замёрзли, пока ждали во дворе.

Меня потряхивало мелкой рябью, но это были не нервы. Я это дело вёл два года и три месяца. За два года и три месяца нервы кончаются, остаётся только бухгалтерия: эпизоды, тома, свидетели, дожить бы до суда. Всем. Нас тоже инфаркты посещают.

Роман Аркадьевич Шатов вышел к нам сам.

Сверху, по лестнице, в халате и тапках, без охраны, потому что она уже лежала в предбаннике и очень старалась не шевелиться. Сорок шесть лет, седина на висках, лицо человека, которого только что оторвали от сна и которому это не то чтобы очень интересно.

Он остановился на последней ступеньке, осмотрел нас, прикинул количество, выдохнул тяжело и устало, и цокнул языком:

— Капитан, — сказал он мне.

Умный сучёныш. Не спросил, кто старший, а просто увидел.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас делаешь?

— Понимаю. Работу.

— Нет, — он покачал головой почти сочувственно. — Работу ты вчера делал, а сейчас ты в мою жизнь заходишь. А из неё, Ирбисов, потом не выходят. Ногами. Из не потом выносят. Ногами вперёд.

О, какая неожиданность, он знал мою фамилию. Ну, разумеется, он знал мою фамилию. Говорю же, умный сучёныш.

— Роман Аркадьевич, руки.

— Да ради бога.

И он шагнул к столику у стены.

Там лежал телефон, отвечаю, блядь! Я потом сто раз это прокрутил, и там правда лежал только телефон. Но у меня за спиной стоял Пашка Гурин, у Пашки был первый выезд после госпиталя, и Пашка сделал ровно то, чему его учили.

Шатов просто пошёл лицом в мрамор.

И некрасиво так пошёл, скулой. Халат распахнулся, тапок улетел под ёлку, и вот тут вся его осанка закончилась, потому что в пятьдесят лет с прижатой к полу головой осанки не бывает ни у кого.

— Отставить, — скомандовал я. — Мягче.

— Да я мягко...

— Мягче, я сказал.

И тогда наверху с грохотом отлетела дверь, раздался топот босых ног и чей-то приглушённый и звонкий ох.

Она стояла на площадке второго этажа. Пижама с утками, босиком, спутанные волосы в одну сторону, щека помятая после подушки... Ребёнок, которого разбудили чужие голоса, спустился посмотреть, что за шум, и увидел, как её отца держат лицом в пол люди в чёрном.

Четырнадцать лет.

Я до сих пор помню, сколько ей было, потому что это было в деле. В деле у меня было всё: сколько ей лет, в какой школе, какой кружок, где мать. Бумажка. Строчка.

Строчка набрала побольше воздуха в грудь и заорала.

Я служил уже тогда шесть лет, я слышал, как орут в обезьяннике, в подъездах и в реанимации. Но чтобы так — не слышал ни разу. Она орала матом, длинно, с придыханиями, и такими взрослыми конструкциями, которые в четырнадцать знать не положено. И в этом ору не было ни капли страха. Только ненависть, чистая, прозрачная и обжигающая, как спирт.

Серёга поморщился и молча двинулся к лестнице.

— Не трогать, — сказал я.

— Так она ж...

— Не трогать.

Я пошёл наверх сам. Четыре ступеньки всего не дошёл — она стояла выше, и получилось, что мы оказались одного роста, на одном уровне.

Глаза в глаза. Она замолчала и вперилась в меня своими глазищами. Смотрела вдумчиво, внимательно, и я даже подумал, ну вот, дошло, сейчас заплачет.

Ога, прям шаз.

Она плюнула мне в лицо.

Точно. С близкого расстояния, промазать было невозможно, и она попала мне в скулу и в угол рта.

За спиной у меня кто-то хмыкнул, и я это запомнил, и потом полгода вспоминал, тихо матерясь.

Я не стал утираться сразу. Я постоял секунду, достал платок, у меня, идиота, был с собой чистый, мать его, платок, родительница положила, вытер лицо, сложил и убрал в карман. Не отводя глаз от мелкой нахалки.

— Утрись, принцесса, — сказал я ей.

— Что?! Это я тебе... Это я в тебя...

— Ты, — я кивнул. — Ты сейчас не на мать свою похожа, и не на девочку. Ты сейчас на него похожа. Вот и утрись, пока можно.

Она судорожно вдохнула, прищурила глаза, и через секунду ударила меня в грудь. Кулаками, обоими, как бьют в дверь, когда за ней кто-то не отвечает.

Я дал ей ударить. Раз. Два. Три.

На четвёртый поймал за запястья, тонкие, горячие и злые.

Внизу Шатова уже подняли и вели к выходу, прямо так, в халате, в одном тапке, руки за спиной. У порога он затормозил и обернулся.

— Ирбисов. Сколько?

— Двенадцать, — сказал я. — Если судья не в духе — четырнадцать.

Он кивнул, как будто цену услышал и счёл приемлемой, и спокойно, не оборачиваясь, через весь холл, сказал дочери:

— Лика. Двенадцать. Считай.

Дверь открылась пошире,пустила клуб холода и закрылась.

Девчонка в моих руках перестала дёргаться, она смотрела на дверь, и я видел, как у неё в голове что-то щёлкает, укладывается, встаёт на место — навсегда.

— Папа вернётся, когда тебе будет двадцать шесть, — сказал я. — Постарайся к этому времени быть кем-нибудь поприличнее.

Она перевела взгляд на меня. Без слёз, абсолютно сухие глаза, и в них — уже не ребёнок.

— Я тебя найду.

— Найдёшь, — согласился я. — Меня все находят.

Я отпустил её запястья и пошёл вниз по лестнице, и синяя гирлянда всё так же бежала по кругу, медленно, будто ей вообще ничего не сказали.

Я вышел на снег, закурил и забыл её к обеду.

Она меня — нет.

Глава 1

За пятнадцать тысяч я готов быть кем угодно.

В тот четверг я был человеком, который объясняет Славику Гнутому, что «Ленд Крузер» с чужим ПТС — это не «ахуеть как повезло», а временное, и, возможно, даже, геморройное, недоразумение.

Вообще, за последние четырнадцать месяцев я:

— вышибал долги,

— находил сбежавших мужей и сбежавших жён,

— пас неверных супругов по заказу супругов верных,

— возил груз без документов от Ростова до Твери,

— сидел трое суток в машине под чужим окном,

— ломал руку одному коллектору, потому что второй коллектор заплатил больше,

— перегонял битые «японки»,

— торговал запчастями с этих же «японок», а один раз — цветным металлом, снятым с объекта, который, если честно, не был бесхозным.

Я не брал только два вида работы: детей и и не работал по женщинам.

Насчет детей — тут всё понятно, это даже не обсуждение, а биология. Кто тронет ребенка — тот мразь, и разговор с ним будет коротким, как выстрел в упор. Точнее, выстрел в упор и будет, а отмотать срок в мои планы не входило.

А вот с женщинами... Тут, знаешь, не мораль, тут чистая арифметика и здравый смысл.

Женщина — это же пиздец. Она тебе говорит одно, подразумевает второе, а через день обижается, что ты не сделал третье.

Ты ей: «Ваш муж в ресторане с блондинкой».

Она тебе: «Вы что, идиот? Я вас просила за машиной следить!»

А то, что она вчера сама лично написала «сведи за ним, гадом, я чувствую, он с кем-то» — это уже забыто. Память у них, как у рыбки, но обида, как у слона.

Я за всё время моего фрилансерства с мужиками-заказчиками ни разу не поругался. Ну, то есть поругался, конечно, но по делу: «Ты мне не заплатил» — «Вот деньги». Всё, инцидент исчерпан.

А с бабами... Ну короче — я их даже охранять не берусь, потому что это вообще отдельная песня. Это же не просто «стой и смотри». Это выслушивай, кивай, угадывай настроение, бегай за шубой, пока она примеряет десятый вариант, и при этом не дай бог не так посмотрел — ты уже «хам и абьюзер». Я лучше буду с Гнутым по гаражам мотаться. Там хоть и геморрой, но хотя бы без истерик и с понятным концом: либо деньги, либо мордобой.

Так что нет. Не работаю по женщинам. Не потому что я шовинист какой-то. А потому что я, знаешь, нервные клетки берегу. Они, говорят, не восстанавливаются. А у меня их после пятнадцати лет службы и так осталось — как в пачке «Беломора» после хорошей попойки.

Так что — не трогаем. Пусть ими занимаются те, у кого стальные нервы, ангельское терпение и, желательно, справка от психиатра.

Всё остальное — приносите, обсудим. Главное — платите.

Теперь вот, долбодятел Славик.

Славик объяснения не любил, Славик любил рисковать своей жопой и разговаривать через дверь.

— Я полицию вызову!

— Вызывай.

За дверью послышался удивлённый всхрюк, потом тишина в две секунды, а потом что-то упало.

— Ты кто вообще такой?

— Я тот, кому заплатили пятнадцать тысяч, чтобы ты вернул тачку. Двенадцать я уже потратил, — я прикурил, стряхнул пепел на его коврик с надписью «Добро пожаловать». — Считаю, я работаю в минус, Слава, и это меня очень злит.

Убеждать я умел, и дверь он всё-таки открыл. Люди всегда открывают, и не потому, что я такой страшный, а потому, что человеку невыносимо не видеть того, кто долго стоит на лестничной клетке и вежливо разговаривает. Хотя ты точно знаешь, что тебя вполне можно было бы уже и убить.

Ключи он отдал ровно через минуту, ещё через две минуты мне в руку легли документы. Ну и всё. Ах, да... полтинник сверху я взял просто так, за моральный ущерб. Да он сам предложил, за мою доброту.

И я взял, и не потому, что нуждался.

Хотя нуждался.

...

В гараже у Тимура пахло соляжкой, кофе и прошлым веком. Я загнал «Крузер» в бокс, кинул ключи хозяину, который примчался потный, счастливый и всё порывался обнять. Я старательно уворачивался и победил. Ну потому что обниматься с клиентами — это как есть суп в столовой: вроде можно, но зачем.

— Егор Дмитрич, вы волшебник.

— Я безработный.

Он засмеялся. Все смеются, никто не верит, что это не шутка.

Потом были два часа с чужой «Ауди», у которой полетел генератор, потом бутылка вискаря из тех, что покупают на заправке, а потом — Вика.

Вика приехала сама. Вика всегда приезжала сама, в этом был её главный талант и мой главный интерес. Тридцать один год, риелтор, ногти как у птеродактиля, в машине всегда ароматизатор «ваниль». Сейчас она в проёме, куталась в пальто и делала вид, что случайно проезжала мимо промзоны в половине первого ночи.

— Ты мне не звонишь.

— Я никому не звоню.

— Ирбисов, ты хоть раз в жизни говорил женщине что-нибудь приятное?

Я подумал.

— Дверь закрой. Дует.

Она закрыла.

Потом было быстро, зло и на капоте чужой «Ауди», и хозяин «Ауди» об этом никогда не узнает, а если узнает... ну пусть счёт пришлёт. или порадует, что хоть у кого-то в его семье есть секс. Вика цеплялась за мои плечи и шипела мне в ухо, что я сволочь. Я не спорил. Я вообще редко спорю, когда со мной соглашаются.

Потом она лежала у меня на груди, водила пальцем по рёбрам и считала мои шрамы и дырки от пуль.

— Это что?

— Даты.

— Чьи?

— Не твои.

Она отодвинулась и посмотрела на меня так, как смотрят все: с надеждой, что сейчас я дам ей кусочек себя, хотя бы крошку, хоть что-нибудь, что можно будет унести домой и подержать в руках.

— Егор.

— М.

— Тебя вообще хоть что-нибудь трогает?

— Ты. Вот прямо сейчас. Вот здесь трогаешь, — я взял её за руку и положил её ладонь на свой член.

Она стукнула меня кулаком в грудь, обиделась на четыре минуты и уехала.

Все они всегда уезжают обиженными. Зато возвращаются, тоже все. В этом с женщинами полная ясность: скажи, что ты сволочь, — и тебе поверят и приедут проверить, не изменилось ли чего.

Не изменилось. В этом я был стабилен, потому что постоянность — признак мастерства. А я мастер.

Телефон завибрировал в двадцать минут второго.

«Костя Ерохин» высветилось на экране.

Я посмотрел на экран и не взял.

Костя был моим напарником шесть лет. Костя остался, когда пришло новое руководство, а я нет. Меня не оставили. И Костя три раза в месяц звонил и говорил одно и то же: «Барс, ты дурак, вернись, хоть в ЧОП, хоть кем, у Сомова в охране берут, я поговорю».

А я отвечал одно и то же: «Костян, иди в жопу», — и мы ржали, и потом полчаса говорили ни о чём, и потом я клал трубку и час сидел в темноте с бутылкой. Потому что...

Мне не нужен был этот час. Мне завтра к восьми.

Он позвонил ещё раз. В без четверти два.

И третий — в два ноль девять.

Я перевернул телефон экраном вниз.

Я знаю, как это выглядит. Мне тоже потом объяснили, как это выглядит.

Бля... с-с-су-у-ука-а-а-а....

Глава 2

Пить я начал в тот вечер около трёх, прямо из горла — стаканы для слабаков, сидя на верстаке и глядя на лампу, которая висела на проводе и качалась, хотя сквозняка не было.

Про коллегую я думаю только пьяный. Трезвый — нет. Трезвый я нормальный.

Апрель. Большой зал главка, двести человек в парадке, на трибуне — Виталий Игоревич Ланской, новый начальник, костюм в полоску, часы из-под манжеты, голос мягкий, как у диктора детских передач. Говорил про показатели. Про то, что раскрываемость по управлению выросла на девять процентов и это наша общая заслуга.

А у меня в сейфе лежало дело, которое мне велели «дораскрыть до конца квартала» так, чтобы человек, которого я два года вёл, остался чистым, а сел его водитель.

И я встал.

Двести человек. Микрофон в проходе. И я сказал, вежливо, я честно старался вежливо: — Виталий Игоревич, а можно вопрос? Вот эти девять процентов — они из чего сложились? Из работы или из того, что мы перестали регистрировать?

В зале стало тихо так, что было слышно, как у кого-то в кармане вибрирует телефон.

Ланской улыбнулся мне. Тепло. По-отечески. Сказал:

— Хороший вопрос, капитан. Давайте обсудим отдельно.

Мы обсудили отдельно.

Через пять недель была служебная проверка, потом ещё одна, потом «утрата доверия» и запись в трудовой, с которой меня не берут даже в ЧОП сторожить шлагбаум.

Я иногда думаю: если бы я тогда просто сел обратно на стул.

Ничего я не думаю. Я бы встал опять.

...

Разбудил меня телефон.

Шесть сорок, башка чугунная, во рту переночевал кто-то с мехом. Экран показывал «Костя Ерохин», и я, ещё не открыв нормально глаза, уже улыбался — потому что сейчас он скажет «Барс, ты дурак», и я скажу «иди в жопу», и всё будет как всегда.

— Костян, ну ты и упорный, — сказал я в трубку. — Три раза ночью, ты чего, влюбился?

В трубке молчали.

Потом там очень ровно, слишком ровно, сказали:

— Егор. Это Ира.

Я сел.

Я двенадцать лет в органах отработал. Я по одному слову «это» уже всё понял — по тому, как женщина называет себя по имени в телефоне мужа.

— Ира, — сказал я. — Где Костя?

В трубке что-то зашуршало, потом щёлкнуло, потом я услышал, как она набирает воздух, и этот звук мне не понравился. Так набирают воздух, когда уже всё решили, но ещё не сказали вслух.

— Егор. Костя мёртв.

Я стоял в гараже, смотрел на пустую бутылку на верстаке и чувствовал, как что-то внутри меня выключается. Щёлк — и всё. Выжженная внезапно тишина. Как в тот момент, когда вырубают свет во всём квартале, и ты стоишь в темноте, и не понимаешь, что делать, потому что холодильник больше не гудит, и часы на микроволновке погасли, и ты просто стоишь.

— Егор? Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Его нашли на Кировской. Ночью. Менты говорят, нападение. Грабёж. Но ничего не взяли. Телефон, бумажник, часы — всё при нём.

— Кто нашёл?

— Прохожий. Утром. Он лежал у забора, за гаражами. Егор, его... — она замолчала, и я услышал, как она сглатывает. — Его били долго. Очень долго. Врачи сказали, смерть наступила около трёх ночи. Может, позже. Точно не знают.

Около трёх. Я в три пил вискарь. Я сидел на верстаке, смотрел на лампу и думал про коллегую. А Костя в это время умирал. Где-то на Кировской. У забора. За гаражами.

— Ира. Я приеду.

— Егор, подожди...

Я сбросил.

Одевался я быстро. Джинсы, свитер, куртка. Обувь. Ключи. Телефон. Всё это на автомате, руки делали, голова молчала. Голова включилась только когда я уже сидел в машине и вставлял ключ в замок зажигания. И тогда я вспомнил: три звонка. Двадцать минут второго. Без четверти два. Два ноль девять. Три раза. Я перевернул телефон экраном вниз и допил вискарь.

Сука.

Я завёл двигатель и выехал из гаража. Покрышки взвизгнули на асфальте, хотя я не жал на газ. Просто руки были злые.

Кировская — это промзона. Склады, гаражи, бетонный забор, который давно надо было снести, но всё не сносили. Я знал это место. Мы с Костей тут работали. Лет семь назад был один эпизод — кража цветмета с завода, мы сидели в засаде три ночи, и Костя всё время ржал, что если нас тут убьют, то никто даже не найдёт, потому что это место даже бомжи обходят. Я тогда сказал: «Костян, если нас тут убьют, я тебя сам убью». Он ржал. Он всегда ржал.

Я припарковался у забора. Ментов уже не было — уехали, или ещё не приехали. Неважно. Я вышел, закурил. Утро было серое, мокрое, питерское. Асфальт блестел от дождя, который прошёл ночью. Или это была не вода. Я не стал проверять.

Место я нашёл сразу. Его не надо было искать — оно само себя показывало. Пятно на асфальте. Тёмное, большое, кровь въелась в трещины, и дождь её не смыл. Я стоял и смотрел на это пятно, и думал, что вот здесь Костя лежал. Здесь он умирал. Один. Ночью. В промзоне. И никто не пришёл.

Я не стал подходить ближе. Не потому что брезговал. Просто... не стал. Я стоял в десяти шагах, курил и смотрел.

Костя был моим напарником шесть лет. Мы вместе ходили на задержания, вместе сидели в засадах, вместе пили после смены. Он был из тех, кто не задаёт лишних вопросов. Он просто делал свою работу. И он остался, когда меня выперли. Не потому что он был крысой, а потому что у него были жена, двое детей и ипотека. И я его не осуждал. Я бы тоже остался. Наверное.

А теперь он лежал здесь. На асфальте. Под дождём. И я не взял трубку.

Я докурил, выбросил бычок и пошёл обратно к машине. Мне нужно было в морг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.